

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС. 1941

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Четвертый эшелон

Эдуард Хруцкий

Комендантский час. 1941

«СОЮЗ»

1976

Хруцкий Э. А.

Комендантский час. 1941 / Э. А. Хруцкий — «СОЮЗ»,
1976 — (Четвертый эшелон)

ISBN 978-5-6050124-2-9

1941 год. Немецкие войска начинают наступление на Москву. Семьдесят пять дивизий, тысяча самолетов... Такого мощного удара не знала ни одна война. Фашисты уверены в успехе операции. Они хотят не просто захватить Москву, но в буквальном смысле слова стереть ее с лица земли, открыв все шлюзы и затопив город. Для поддержки наступления, немецкая разведка планирует внести дезорганизацию и в тыловую Москву. Паника, грабежи, слухи, срыв эвакуации заводов, хищения культурных ценностей. Расчет не столько на военный, сколько на психологический эффект. Для выполнения этой задачи в Москву, к надежно законспирированному агенту «Отец», имеющему обширные связи среди уголовников, со всеми необходимыми инструкциями отправляется немецкий связной Алексей Прилуцкий.

ISBN 978-5-6050124-2-9

© Хруцкий Э. А., 1976
© СОЮЗ, 1976

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Эдуард Хруцкий

Комендантский час. 1941

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьёв В. А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

* * *

Глава 1

Минск. 6 июля, утро

«Солдаты! Перед вами Москва. За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошли по улицам лучших городов. Вам осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу вашего оружия, пройдите по ее площадям. Москва – это конец войне. Москва – это отдых. Вперед!»

Приказ Гитлера от 6 июля 1941 года

Совещание окончилось. Генералы, штабные и командиры частей группы армий «Центр», выйдя из зала, торопливо начали доставать сигареты. Они были похожи на кадетов, дорвавшихся до долгожданной курилки. Конечно, командующий генерал-фельдмаршал фон Бок официально не запрещал курить, но все знали, что он не переносит табачного дыма.

Только один человек мог позволить себе не считаться с привычками фельдмаршала – группенфюрер СС Эрих фон дем Бах-Залевски – личный представитель рейхсфюрера СС при штабе группы армий «Центр».

Никто из штабных, даже приближенных к фельдмаршалу, не знал, чем занимается этот страшновато-вежливый эсэсовский генерал. Знали только, что у него свой штаб и двухметровые мордатые телохранители.

Из зала совещания группенфюрер вышел последним.

«Как они мне все надоели! – подумал он, глядя на суетившихся в вестибюле генералов. – Какая ограниченность, полное непонимание ситуации! Сейчас они делят победы. Хотят урвать кусок послаще. Неужели они не могут понять, что их «победы» были предрешены задолго до того, как они перешли границу? Они не любят меня так же, как и всю службу безопасности. Службу Гимmlера они боятся, а меня считают просто выскочкой. Что делать – каждому свое. Все-таки я сделал правильно, что ушел из армии в охранные отряды. Иначе дослужился бы сейчас в лучшем случае до заместителя командира полка».

– Курт, – повернулся группенфюрер к адъютанту.

– Слушаю, экселенц.

– Что было в этом доме раньше?

– Совет народных комиссаров Белоруссии, экселенц.

– Занятно строят эти русские, какая-то смесь казармы и замка. Кстати, Курт, узнайте фамилии и звания летчиков, первыми идущих на Москву.

– Слушаюсь! – Штурмфюрер стремительно повернулся.

– Да постойте вы! Командира эскадрильи и командиров экипажей сегодня же ко мне.

– Слушаюсь, экселенц!

Группенфюрер не выспался. Вчера ночью к нему прибыл особоуполномоченный рейхсфюрера штандартенфюрер Гунд, он привез важные инструкции, в которых оговаривались обязанности полевого реферата СД, который возглавлял Бах-Залевски.

Задание было трудным, группенфюрер гордился, что именно ему поручено дело, которое, безусловно, войдет в историю войны.

У входа его ждала машина. Приземистый бронированный «майбах». Вокруг стояла охрана.

Рядом с тяжелым «майбахом» приткнулся элегантный серебристый «хорьх». От машины навстречу группенфюреру, улыбаясь, шел офицер с нашивками штурмбаннфюрера. Черный мундир сидел на нем, словно фрак на дирижере. Он был чрезвычайно элегантен.

– Франц, – группенфюрер улыбнулся, – дорогой Франц, как вы мне нужны!

– Я это почувствовал, шеф. Вернувшись, узнал, что вы на совещании, и приехал сразу сюда.

– Чертовски приятно иметь такого заместителя.

Группенфюрер говорил вполне искренне. Действительно, приятно иметь заместителем доктора права, профессора искусствоведения. Но, кроме этого, штурмбаннфюрер Франц Альфред Зикс был неоценимым знатоком агентурной работы. Феноменальная память позволяла ему держать в голове сотни кличек, псевдонимов, явок.

«Мне не нужна картотека, – часто шутил группенфюрер, – пока вы со мной. Вас, Франц, нужно беречь, как самый дорогой секретный сейф».

Бронированный «майбах» лавировал между разбитыми зданиями. Кое-где по самой земле стлался едкий, зловонный дым. Город еще горел.

Группенфюрер, презрительно прищутив глаза, смотрел в окно. Улицы были пустынные, завалены обломками кирпича.

Самые неожиданные вещи валялись на мостовой: перевернутые ручные тележки, разбитые чемоданы, детская кукла, сплюснутый трехколесный велосипед.

Бах-Залевски достал сигарету, адъютант услужливо шелкнул зажигалкой.

– Унылый город, Франц. Унылый. Разве его можно сравнить с Парижем? Помните Монмартр, прекрасные кафе? А женщины! И небо над городом, лиловое небо над черными, словно грифельными, крышами.

– Париж? Но я был в Минске в 1939 году. Конечно, он не похож на Париж, но... Что касается женщин...

– Нет, вы меня не убедите, Франц. Кстати, кажется, тогда же вы были в Москве?

– У вас прекрасная память. Был. Как говорят русские, «стоял постоем» в гостинице «Националь».

– Что ж, вам повезло. Скоро вы будете рассказывать знакомым о том, что когда-то был такой город.

– Я не понимаю вас.

– Приедем – поймете.

На самой окраине города, у здания, построенного в стиле охотничьего домика, машина остановилась.

Группенфюрер и Зикс вошли в дом. В кабинете Бах-Залевски расстегнул китель, подошел к сейфу, набрал цифровой код.

– Вчера мне привезли из Берлина план операции «Тайфун». Провести ее поручено вам. Идите сюда, Франц.

Они удобно расположились в креслах у стола. Группенфюрер закурил.

– Вы удивились, Франц, когда я сказал о столице большевиков. С сегодняшнего дня группа армий «Центр» начинает наступление на Москву. Москва – конец войны. Как только столица большевиков падет, их многонациональное государство рассыплется как картонный домик. На Москву наступает семьдесят пять дивизий, из них четырнадцать танковых и восемь моторизованных. С воздуха их будут прикрывать легионы «Кондор», «Вевер», 28-я и 55-я эскадрильи. Тысяча самолетов. Тысяча, Франц! Такого ударного кулака не знала ни одна война. Дни большевиков сочтены. Но это дело армии. Кстати, знайте, что ни один солдат вермахта в Москву не войдет.

– То есть, – Зикс снял очки, – как так?

– Туда войдут части СС. В течение недели мы должны будем вывезти из Москвы все архивы и ценности, к чертовой матери выгнать население, арестовать и расстрелять энкавэdistов, партийных функционеров, интеллигентов. А потом взорвать шлюзы и затопить Москву. Такого города больше не будет. Будет озеро, где мы будем кататься на яхте. Но для этого нужно провести колоссальную работу. Читайте документы.

Через два часа штурмбаннфюрер фон Зикс вызвал к себе подполковника фон Мантейфеля. Подполковник был уже стар, когда-то, еще при кайзере, он руководил немецкой разведкой в России. Потом о нем вспомнило ведомство Гиммлера. Фон Мантейфель спас от превратностей немецкой революции архивы своего отдела. Конечно, многих разыскать не удалось, но и среди этого старья нашлись стоящие люди. Как только началась война, Мантейфелю присвоили звание подполковника, и теперь он работал в группе Зикса.

– Пора активизировать ваших людей, господин фон Мантейфель.

Зикс встал, прошелся по кабинету.

– Пора! Наша задача – внести дезорганизацию в тыловую Москву. Паника, грабежи, слухи, сплетни, анекдоты, срыв эвакуации заводов, хищения ценностей культуры. Это не столько военный, сколько психологический эффект.

– Я понял вас. У меня есть подходящий человек. Он надежно законспирирован, имеет обширные связи среди уголовников.

– Ну что ж, пожалуй, подойдет. Тем более что уголовниками занимается милиция. А милиция, полиция – все одно и то же.

– Если считать этот разговор приказом, то я немедленно посылаю к нему связного.

– Кого?

– Унтерштурмфюрера Алекса Прилуцкого.

– Пригласите его ко мне.

Утром на стол группенфюрера лег рапорт:

*«ГРУППЕНФЮРЕРУ СС И ГЕНЕРАЛУ ПОЛИЦИИ ЭРИХУ ФОН ДЕМ БАХ-ЗАЛЕВСКИ
Штурмбаннфюрер Зикс почтительно докладывает.*

Вчера в 23.00, во исполнение операции «Тайфун», в Москву на связь с агентом Отцом отбыл унтерштурмфюрер Алекс Прилуцкий. Прилуцкий снабжен деньгами и получил необходимые инструкции.

Штурмбаннфюрер СС и доктор фон Зикс»

Глава 2

Москва. Июль

Начальник МУРа смотрел в окно. На противоположной стороне улицы у киоска с газированной водой стояла очередь. Начальник на секунду представил, как пенная струя бьет в стакан, как пузырится в нем жгучая от газа вода. Голова продолжала болеть. Повышенное давление напоминало о себе болью в затылке.

Два месяца назад он бросил курить. Как только появились первые боли, вынул из ящика стола коробку «Казбека», хотел бросить в урну, но передумал. Вызвал к себе молодого сотрудника Игоря Муравьева и отдал папиросы ему.

– Так как же быть с Костровым? – спросил начальник отделения Данилов.

– погоди, Иван Александрович. У тебя есть что курить?

– «Казбек».

– Давай его сюда.

– Но вы же...

– Мало ли что, время видишь какое.

Начальник жадно затянулся. И сразу стало легче, даже показалось, что боль утихла.

– Вот так. – Он тяжело опустился в кресло. – Не верь врачам, Иван Александрович.

Курнул – и легче стало. Ты мне оставь пяток.

– Да вы все возьмите. У меня в кабинете есть еще.

– Соблазн велик, возьму. Так ты спрашиваешь, как быть с Костровым?

– Случай уж больно необычный.

– Нет, Данилов, в этом нет ничего необычного. Он сам-то где?

– У дежурного сидит.

– Проверить его показания надо. А вдруг врет?

– Да я его знаю, Мишка врать не станет.

– А ты все ж проверь. Сколько у тебя в группе народу осталось?

– Трое.

– Значит, Полесов, Шарапов и Муравьев.

– Точно.

– Считай, что остался ты один.

– То есть как? – Данилов встал, шагнул к столу. – Как – один, товарищ начальник? Моя группа больше всех потеряла людей. Восемь человек на фронт забрали. Я сам...

– Ты погоди, Иван Александрович. На! – Начальник протянул три одинаковых листа бумаги.

Данилов достал из кармана очки.

«НАЧАЛЬНИКУ МОСКОВСКОГО УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА ОТ ПОМОЩНИКА ОПЕР-УПОЛНОМОЧЕННОГО МУРАВЬЕВА ИГОРЯ СЕРГЕЕВИЧА РАПОРТ

Прошу вас разрешить мне пойти в ряды действующей армии. Я комсомолец, и место мое на фронте. Хочу беспощадно громить фашистскую нечисть, мстить за нашу поруганную землю.

И. Муравьев»

– Понял, Данилов, в чем дело? Ты два других можешь и не читать. Шарапов и Полесов тоже просятся. Ты им скажи, Данилов, я сам на фронт хочу, и ты тоже хочешь. Все хотят. Вон мне Дерковский какой концерт устроил – в батальон московской милиции его отпусти. А я с кем здесь останусь?

– Товарищ начальник...

– Ты, Данилов, молчи. Помню, как ты еще на финскую просился. Молчи уж. – Начальник взял папиросу. – Молчи, Данилов, а со своими ребятами поговори... Иди, Иван Александрович, иди... Чувствую я, что к вечеру много работы будет. – Начальник опять отвернулся к окну.

Почему-то ему казалось, что так легче думается. Калейдоскоп улицы успокаивал.

Петровка была почти такой же, как месяц назад. Торопились куда-то по-летнему наряженные люди, бойко торговал мороженщик, стояла очередь за газировкой. Но война уже чувствовалась. Военных побольше на улицах стало. На углу вместо привычного усатого постового стоит с винтовкой СВТ молоденькая девушка.

Вот она взмахнула полосатым жезлом, останавливая движение. Со стороны Пушкинской по трамвайным путям несли похожий на колбасу огромный зеленый баллон с газом для заправки аэростата. Девушки из батальона МПВО крепко держали за стропы упругое подпрыгивающее тело. А месяц назад он, начальник МУРа, видел аэростаты только на картинках в кабинете Осоавиахима.

Война для него началась так же неожиданно, как и для всего по-летнему беспечного города. Накануне днем поступили данные, что в бараке на Дангауэровке отсиживается Колька Цыган. Два месяца до этого дня МУР лихорадило. Бежавший из лагеря Николай Савельев по кличке Цыган совершил на окраине столицы восемь вооруженных налетов. Звонили из прокуратуры Союза, звонили из наркомата, звонили из таких мест, что и вспоминать не хочется. И был еще телефонный разговор с помощником одного из руководителей. И все потому, что Цыган, кроме всего прочего, ограбил одну из дач, которую в разговорах называют с приставкой «спец». Брать Кольку поехали ночью, ближе к утру. Операцию возглавил он сам, никому не доверил. В конце шоссе Энтузиастов, у Баулинских прудов, приткнулся дощатый барак. Здесь и было Колькино убежище. Оперативники быстро окружили барак. Оружие держали наготове, знали, что Цыган вооружен и так просто в руки не дастся. Начальник уже сталкивался с этим человеком. Он пошел первым. По неписаным законам, оставшимся еще с первых лет революции, в самой опасной операции первым идет старший.

Он шел, не глуша шагов, по-хозяйски, как дома. Ему противно было думать, что он, краснознаменец еще с Гражданской, должен подкрадываться, чтобы взять эту сволоочь.

У дверей с цифрой пять было подозрительно тихо.

– Ломайте, – приказал он.

Два оперативника плечами высадили фанерную дверь. Подняв пистолет, начальник шагнул в комнату. Свет карманного фонарика вырвал из темноты фигуру, лежащую на кровати. Кто-то пошарил руками на стене, щелкнул выключателем. На железной койке, разметав во сне руки и широко открыв губастый рот, храпел Колька. В комнате отвратительно пахло перегаром, прокисшими консервами, потом.

– Берите его. – Начальник сунул пистолет в кобуру и вышел на воздух.

А Цыган так и не проснулся – ни пока тащили его в машину, ни в самой машине, – до такой степени напился. Только следующей ночью он очнулся в камере и завыл от страха и ненависти.

Приехав на Петровку, начальник поднялся к себе в кабинет. Тотчас зазвонил телефон.

– Не спишь? – услышал он голос начальника московской милиции.

– Цыгана только что...

– Да какой тут Цыган! Война! Сегодня немцы бомбили Минск, Брест, Киев, перешли границу. Собирай своих по тревоге!

Новость была настолько ошеломляющая, что он сразу и не понял, о чем говорит его собеседник.

– Ты что, оглох? – пророкотала трубка. – Собирай своих сыщиков. А за Цыгана спасибо.

– Есть. – Он положил трубку и посмотрел в окно, потом на часы. Пять... Почти незаметный свет фонарей, кое-где желтые окна, переключки редких автомобильных гудков, и вдруг – война... Нелепо и страшно.

Начальник сам пошел к дежурному. И пока он шел по коридору, почему-то в голову лезли совсем посторонние мысли – о том, что теперь уж в отпуск он не пойдет и долго, наверное, не увидит реку Ужу. И зря он отправил туда удочки.

Комната дежурного тряслась от хохота.

– Вы это чего? – спросил начальник.

– Да вот, комика привели! – Вскочивший дежурный пытался согнать с лица веселость и придать ему подобающее моменту выражение.

Начальник оглянулся. Со скамейки для задержанных поднялся человек.

– Ага, значит, ты здесь самый главный? – Язык у задержанного заплетался, казалось, что тот говорит с полным ртом.

– Возможно.

– А ты неприятности любишь?

– Нет, – думая о своем, ответил начальник.

– Тогда отпусти меня.

– Это ж почему? – удивился он, словно только что увидел задержанного.

– Работа у меня такая. Не отпустишь – не миновать тебе беды.

За спиной начальника сдавленно прыснул дежурный. Милиционеры у входа беззвучно хохотали, прикрыв рты ладонями.

– Ты кто ж такой: полярник, летчик-герой?..

– Почтище их буду... – Человек, покачнувшись, схватился за угол скамейки. – Не выпустишь, утром люди дознаются, придут сюда, большую неприятность сделают.

– Какие люди? Что ты болтаешь? – раздраженно бросил начальник.

– Я пивной палаткой заведу на прудах. В шесть утра открываю. Ко мне люди со всего города приезжают. Придут сейчас, а меня нет. Где, спросят, Иван Карпыч? В милиции. Вот тогда они прямо к тебе.

– Никто к тебе нынче, Иван Карпыч, не придет.

– А я и по выходным торгую!

– Никто не придет к тебе. Потому что война началась...

Начальник увидел вмиг протрезвевшее лицо задержанного, встревоженные глаза милиционеров.

– Новиков, этого пивного негоцианта оштрафуй и выпусти, и срочно весь личный состав – по тревоге в управление.

Он вышел во двор. Над Москвой начался первый военный рассвет.

На всю жизнь, наверное, запомнится это утро. Пьяненький Иван Карпыч, дождевые тучки, собирающиеся в предрассветном небе, и Москва... теплая ото сна и такая беззащитная на первый взгляд.

Данилов

Данилов вышел из кабинета и в приемной еще раз перечитал рапорты.

«Ишь ты, – он покрутил головой, – ишь ты, на фронт! Ну ладно, Муравьеву простительно: совсем еще мальчишка. А Шарапов? Взрослый человек, а туда же». Он вышел в коридор, под ногой запела половица. «Хорошая примета. Иногда идешь, нарочно ее ищешь, а тут – на тебе, сама».

Пол в коридоре угрозыска был наполовину паркетный, наполовину из крашенных половиц. Одна из них скрипела, как только на нее ступишь ногой. Прозвали ее «певуном». Счита-

лось, что если тебя вызвали «на ковер», то именно эта половица «приносит счастье». Но даже «певун» не радовал сегодня Данилова. Хотя, впрочем, день начался не так уж неудачно.

Рано утром к дежурному по МУРу явился бывший домушник Мишка Костров. Явился сам, сам, ожидая Данилова, написал о всех последних «делах» и в конце просил отправить его на фронт. Данилов знал Мишку не первый день и чувствовал: Костров что-то скрывает.

У дверей своего кабинета Данилов немного постоял, словно решая, зайти или нет. В комнате пахло застоялым табачным дымом. Даже открытое окно не помогало. Казалось, что стены и потолок навечно впитали в себя этот прочный и горький табачный дух.

Зазвонил телефон.

– Данилов, – зарокотал в трубке голос заместителя начальника МУРа, – Данилов, ты знаешь, что составляют списки семей для эвакуации? Как у тебя?

– Что у меня?

– С семьей как?

– Без изменений.

– Я не об этом, ты жену думаешь эвакуировать?

– Нет.

– Ну смотри...

Иван Александрович положил трубку. Эвакуировать Наташу. Конечно, хорошо бы. Да только она об этом и слышать не хочет. На второй день войны пошла учиться на курсы медсестер РОКК. Он пытался было начать этот разговор. Да куда там!

Война. А дела у них, у сыщиков, пока мирные. Старые дела. 24-го собирали их на совещание, говорили о возможной активизации преступных элементов. Но пока все тихо. И наоборот даже – преступлений меньше стало.

Данилов это объяснил просто. Огромное горе, постигшее страну, заставило вспомнить о своем гражданском долге даже тех, которые в мирное время доставляли немало хлопот. Дней пять назад он стоял у аптеки, что на углу улицы Горького, рядом с Белорусским вокзалом. Движение было остановлено: на погрузку шли войска. Внезапно кто-то осторожно тронул его за локоть. Данилов обернулся. Перед ним стоял боец в новом обмундировании.

– Не признаете?

Данилов взгляделся.

– Самсонов я, неужели не помните?

– Помню, Борис, как же, помню.

– Я так и думал. Память у вас хорошая.

– На фронт?

– На фронт, Иван Александрович. Вы только не подумайте, я сам в первый день в военкомат пришел, да многие наши тоже пошли. Вы только не подумайте...

– А я и не думаю, Боря. Родина тебе поверила, а прощение сам заслужишь. Ты ведь перед ней в большом долгу.

– Я знаю, – голос Самсонова сорвался, – знаю. Вы только не подумайте...

– А кто из ваших пошел?

– Баранов, Алешка Бердадым, Сенечка, Колян, Битый...

– Ну что ж, Боря. Желаю встретиться после победы. Хочу в гости к тебе зайти, поговорить.

– Обязательно! – Самсонов крепко пожал протянутую руку. – Обязательно!

Данилов смотрел ему вслед до тех пор, пока Борис не смешался с толпой. Но Данилов слишком хорошо знал своих «клиентов», чтобы тешить себя иллюзиями. Кто и ушел на фронт, а кто и остался. А если остался, значит, ждет удобного случая.

Иван Александрович еще раз перечитал рапорты, усмехнулся и спрятал их в ящик письменного стола. На фронт захотели. Еще неизвестно, где им труднее будет: на фронте или здесь.

Вчера в метро на площади Маяковского Данилов на противоположном эскалаторе увидел военного. Седоватый подполковник с зелеными петлицами пограничника глянул в его сторону и сразу как-то уж слишком быстро отвернулся. Но тренированная память моментально зафиксировала брезгливо опущенные складки губ, кривоватый, словно у боксера, нос, а главное, глаза, большие синие холодные глаза! Широков? Нет, этого не может быть. Ведь Широков убит. Совершенно точно. Он даже вспомнил сводку-ориентировку Иркутского угрозыска, где ясно говорилось о том, что Широков, кличка Резаный, он же Колодный, он же Скопин, он же Веселаго, был убит работниками розыска на лесной бирже в леспромхозе «Красный Восток» в тот момент, когда пытался на плоту уйти вниз по реке. Но почему же так быстро отвернулся тот подполковник? Даже слишком быстро... Данилов поднял телефонную трубку:

– Архив?.. Пришлите ко мне дело Широкова.

И пока сотрудники архива искали нужную папку, пока несли ее, Иван Александрович раздумывал о случайной встрече в метро. Конечно, если он ошибся, то, как говорится, слава богу. Ну а если нет? Если нет – это очень страшно. Такая сволочь, как Широков, зря в Москву не придет. Жди беды.

Муравьев

Игорь проснулся буквально за минуту до звонка. Еще миг он лежал с закрытыми глазами, чувствуя, как через веки просачивается багровый свет солнца, а потом на ощупь взял будильник и перекрыл рычажок звонка. Будильник запоздало звякнул.

– Игорь, опять! – воскликнула мать, увидев сына с будильником на пальце. – Сколько же раз повторять надо?! Это реликвия. И опять ты не дал ему звонить. От этого портится пружина. О господи! Эта молодежь! А нашей семье он служит уже двадцать лет!

– Не двадцать, а всего-навсего семь. – Игорь, чмокнув мать в щеку, поставил на стол будильник и пошел делать зарядку.

Настроение было отличным. Сегодня наконец сбывается его мечта. Как вот только сказать матери – этого Игорь пока не решил. Ну ничего, он скажет позже, когда явится домой в новенькой форме, перетянутый ремнями, с направлением на фронт и кубарями в петлицах. В том, что его рапорт удовлетворят, Игорь ни минуты не сомневался – армии нужны знающие командиры. Начальник, конечно, его поймет: время такое. Вот лишь бы Данилов не упрямился.

Решение немедленно идти на фронт созрело окончательно и бесповоротно вчера, когда Игорь встретил очкарика Петьку – Таниного мужа. Человек худосочный и слабый, Петька всегда вызывал у Игоря чувство пренебрежительного снисхождения. Да и где уж ему было сравниться с Игорем, который еще два года назад, в школе милиции, был чемпионом по боксу. А вчера Игорь встретил его и не сразу узнал. Петька словно преобразился, хотя военная форма висела на нем мешком. Но в петлицах у очкарика сидело по шпале и звездочка на рукаве. «Старший политрук» – это что-то да значило! Уж если таких призывают, то ему отсиживаться в тылу просто невозможно.

Окончив зарядку, Игорь плескался под умывальником, растирал тело под струей холодной воды и ощущал, как приятно твердели мышцы.

Одевался он привычно быстро – работа научила.

Оглядел свою маленькую комнату, и на миг что-то стеснило сердце: может, в последний раз. Да, конечно, война не на один день. И хотя мысли о смерти ему не приходили в голову (как не было их и прежде – ведь работа в МУРе постоянно связана с определенной опасностью), тем не менее хотелось запомнить все родное и привычное, как-то по-новому сохранить в себе... Портрет Дзержинского над письменным столом... Этот портрет, как говорила мама, принадлежал еще отцу, кочевал с ним повсюду, благо небольшой размер. Снимок был редкий, один из последних. Феликс Эдмундович сидит за письменным столом. Оторвавшись от бумаг, под-

нял голову, и глаза у него пронзительные и усталые. Может быть, из-за этого портрета, ну и конечно же из-за отца и выбрал себе такую профессию Игорь. Вот он – отец. Его увеличенная фотография висит над кроватью. Отец, в кожанке, уселся верхом на стуле, облокотившись на спинку. Игорь знал: у него такие же, как у отца, светлые волосы и широко поставленные глаза. Отец родом с Южного Урала. А погиб он в тридцать первом в Средней Азии. Его имя хорошо известно, и, конечно, это сыграло свою роль при поступлении Игоря в школу милиции. Там ему постоянно напоминали, кто был Муравьев и каким должен быть он, его сын.

Уже в школе милиции Игорь твердо решил, что пойдет работать в органы госбезопасности, станет настоящим чекистом, как Дзержинский, как отец. Раскрывать заговоры вражеской разведки, брать шпионов – в этом, разумеется, была настоящая романтика. Но им распорядились по-своему. Послали в уголовный розыск. Поразмыслив, Игорь пришел к выводу, что и это, пожалуй, ничуть не хуже. Те же засады и ночные погони... Да, в этой профессии тоже было немало романтики. Правда, на счету у Игоря даже теперь еще немного дел, а все в основном так себе – мелочь, все больше кражи, но ведь по коридорам небольшого дома на их легендарной Петровке ходили настоящие герои. В общем, Игорь не жалел, что попал в МУР. Вот только с начальником ему не повезло. Данилов никак не подходил под разряд «героев». И что самое главное, никак не хотел понять, что преступно сидеть в тылу, когда началась такая война. «Но теперь все, уважаемый товарищ Данилов, рапорт подан, и завтра мы с вами расстанемся. Пусть в тылу сидит Иван Шарапов – ему можно, он все равно старый».

– Игорь, сколько тебя можно ждать? – донесся с кухни сердитый голос мамы. – И вообще, перестань свистеть в доме. Во-первых, это неприлично. Отец в твоём возрасте...

– Знаю, знаю, мамочка, – прервал ее Игорь, входя на кухню. – Все знаю. – Он обнял мать. – Отец в моем возрасте никогда не свистел. Кому ж, как не тебе, это знать. Вы и познакомились-то, когда ему было за тридцать. Разве не так?

– Ах, оставь меня! Вечно ты со своими шуточками... Взял бы лучше пример с Петра. Вот истинно интеллигентный человек!

Игорь хотел было ляпнуть про хилого очкаря, но вовремя прикусил язык. Судя по всему, мать еще не знала о назначении Петьки, Татьяна, видимо, еще не прибежала, так что лучше придержать язык. «Да, – подумал он и вздохнул, – сюрприз будет матери...»

– Ладно, мам, не буду, – примирительно сказал Игорь, – давай пищу, а то опоздаю.

– Разумеется! Он опоздает! Боже, что это за народ!.. Почему я никогда не опаздываю?

Кашляя и давась пересушенной картошкой, Игорь слушал сетования матери на резко возросшую дороговизну, потом она пересказала последние известия. Игорь не дослушал, выпил чашку молока и, поцеловав мать, выскочил из дому. Он спрыгнул с крыльца, обернувшись, махнул рукой матери, выглядывающей из окна кухни, и бегом припустил через заросший лебедой пустырь к трамвайной остановке.

Звеня и раскачиваясь, из-за поворота выполз трамвай, битком набитый, как всегда. Но тут еще втиснуться можно. А подальше, у рынков, будут висеть на поручнях гроздьями. Игоря притиснули к окну на задней площадке.

Расправив затекшие в трамвайной давке плечи, вынул отцовские часы-луковицу на цепочке и отщелкнул крышку. Было только половина девятого. Значит, есть еще полчаса. Конечно, лучше раньше появиться на работе, узнать последние достоверные новости, обсудить их с ребятами, но хотелось, пока есть время, заскочить хоть на минутку к Таньке. Может быть, Петр дома. «Ишь ты, – подумал он, – Петька! Его теперь и неудобно так называть».

Семья оказалась вся в сборе: Петр, Татьяна и обе их девчонки. Малышки сразу повисли на Игоре и хором начали кричать, что их папа идет бить Гитлера, что у него есть револьвер и что они все вместе его собирают. Петр стоял, растерянный, посреди комнаты, очки у него съехали на кончик носа, волосы взлохмачены. Он схватился двумя руками за вещевой мешок, а Татьяна засовывала туда кульки и свертки.

– Нет, я так не могу! – воскликнул Петр с отчаянием. – Это же черт знает что! Игорь, посмотри же! Это же действительно черт знает что! Это же все смеяться будут!

Он резко потряхнул мешок, и из него посыпалось печенье, выпала и покатилась коробка с монпансье. Петр подхватил коробку, высоко поднял над головой и тонко закричал:

– Вот! Взгляни! Старший политрук Карпунин будет сосать душистый горошек! Надо мной вся дивизия хохотать станет! Это же... Ну Танюша, ну деточка, умоляю, дай я сам все сложу. Мне ведь сказали, что надо брать.

Татьяна молча сидела на диване, сложив на коленях руки, и по щекам ее катились крупные слезы. Она смотрела на мужа и молча плакала. А девчонки, хохоча, подбирали с пола печенье.

Петр вытряхнул содержимое мешка на стол и стал аккуратно укладывать полотенца, белье, портянки...

Игорь присел на диван рядом с сестрой, положил ей руку на плечо, и Татьяна уткнулась ему в грудь.

– Да, дела... – протянул Игорь. – На какое направление, не знаешь?

– Какой там фронт! – неохотно отозвался Петр. – В запасной полк пока, а там видно будет... Ты тут не оставляй моих, заглядывай, ладно? – Он просительно заглянул в глаза Игорю. – Трудно им тут будет без меня... А это еще что? – снова воскликнул он тонко. Из груди вещей выпал медвежонок. Петр повертел его в руках, разглядывая недоуменно.

– Это мы, папочка, чтоб тебе не скучно было, – в один голос закричали малышки. – Пусть он вместе с тобой воюет!

Петр задумчиво посмотрел на медвежонок и, отвернувшись от Игоря, сунул его в мешок.

– Так заходи, – глухо повторил он.

– Я думаю, – медленно сказал Игорь, – что им надо с матерью съехаться. Я ведь и сам... не сегодня-завтра... Рапорт вчера подал, должны отпустить.

– О господи, горе мое!.. – уже в голос заплакала Таня. – И этот туда же... Мальчишка...

– Какой я тебе мальчишка! – Игорь обиженно отстранился от сестры. – Где ты видела мальчишку? Я уже год в угрозыске, каждую ночь операции... – Он запнулся, поняв, что перехватил. – Ладно, пора идти. Давай простимся. Может, доведется на одном фронте воевать.

Он подошел к Петру, пожал руку, потом они крепко обнялись, расцеловались, похлопали друг друга по плечу.

– До скорого. – Игорь махнул рукой. – А за них не бойся. Мать нас с Танькой одна вырастила, как-нибудь уж справится с моими племянницами.

Уже выйдя на лестничную площадку, Игорь понял, что его беспокоило. В квартире сестры поселился новый запах – кожаных ремней, ваксы – запах дороги. У них в МУРе, в дежурке, так было все время. Но теперь Игорю показалось, что это запах войны.

Шарапов

Всю ночь у Шарапова болело плечо, простреленное двадцать лет назад. Его знобило. Иван подбирал колени к животу и, нашаривая в темноте рукой, натягивал поверх одеяла свое старенькое пальто. Но когда ледяная дрожь отпускала, становилось нечем дышать, и он, шлепая босыми ногами по скрипучим половицам, брел к ведру с водой и, лязгая зубами о край оцинкованной кружки, пил противно теплую воду. Ненадолго становилось легче, вроде бы наступалась ночная тьма и уже виделся близкий рассвет, хотя на улице было и так светло – июльские ночи коротки. И еще Ивана мучило прошлое, даже, скорее, не мучило, а как бы раскручивалось бесконечной лентой, и остановить это движение не было никакой возможности.

Старые ходики на стене показывали пятый час. Чего уж теперь спать... Он снимал с женой маленький частный домик на Перовом поле. Домишко был старый, но крепкий, весь

обсаженный густой сиренью, отчего в комнатах было немного сумрачно и прохладно даже в нынешнюю июльскую жару. Иван распахнул створки низенького окна, вдохнул рассветную пахучую прохладу – хозяйка разводила под окнами флоксы на продажу, а теперь была пора самого цветения.

С недалекой станции доносились приглушенные гудки паровозов, шипение пара и лязганье вагонных сцепок. Железная дорога жила напряженной жизнью и днем и ночью. Тяжело груженные составы шли в Москву с Урала, из Сибири – техника, люди, – казалось, вся страна сдвинулась с места. Ивана снова стало знобить, он прикрыл створки окна, накинул на плечи пальто и присел к столу, разминая в пальцах папиросу.

Он наконец прикурил и сладко затянулся дымом, поплотнее укутав левое плечо. Пуля тогда была, видно, на излете, но кость все же тронула. Да, намучились с ним в ту пору врачи, пока вынули... Вынуть-то вынули, а рана вот напоминает.

Он хорошо помнил Гражданскую. Тяжелая то была война, но ведь и он молодой был, девятнадцать лет, – марш, марш, руби, коли! Друзья-эскадронцы веселые, лихие, чубатые. Или так теперь кажется, что просто все было? Он ведь в тонкой политике не был силен: за мировую революцию! – и в клинике. Позже стал разбираться, что к чему. Тогда и угодила в него кулацкая пуля.

Иван выдвинул из-под койки обшарпанный, со сбитыми углами чемоданишко, где хранился весь его личный и семейный архив, сдул пыль, поставил на койку, открыл крышку и, присев рядом, стал перебирать пожелтевшие бумажки...

Наконец Иван сообразил, что он ищет в своем архиве. Вот она, истертая, того и гляди в руках развалится, подклеить бы.

Он развернул почти прозрачный серый лист, перенес его к столу, аккуратно разложил и, щурясь, стал читать.

«Хищникам и ворам народного достояния нет пощады.

В то время, когда все усилия трудового народа направлены к борьбе с разрухой и надвигавшимся стихийным бедствием – голодом.

В то время, когда дорог каждый вовремя добытый и доставленный нуждающимся и голодным кусок хлеба и каждый пуд зерна для обсеменения обширных полей пострадавшего Поволжья, находятся паразиты и негодяи, которые расхищают народное добро из вагонов, пакгаузов и складов.

Хищники пользуются всякими способами, чтобы за счет несчастья другого, за счет награбленного создать свое благополучие.

Им нет дела до миллионов страдающих детей и крестьян голодных губерний.

Им нет дела до лишений и испытаний, которые терпит все трудовое население городов.

Часто они бывают неуловимыми, скрываясь под маской должностных лиц, причастных к нагрузке, выгрузке, хранению и перевозке грузов на транспорте.

Они не только сами воруют, но и потворствуют сторонним бандитам и ворам, скрывая следы их преступных дел.

Советская власть, в интересах трудящихся масс, примет все меры, чтобы положить предел этим преступлениям.

Суровые кары, вплоть до высшей меры наказания – расстрела, будут применяться не только к непосредственным участникам в хищениях на транспорте, но и к пособникам краденого.

Советская власть призывает всех честных граждан на борьбу с паразитическими элементами, ворами и бандитами, разрушающими благосостояние Республики.

Все честные транспортные работники должны принять участие в этой борьбе совместно с карательными органами.

Будьте бдительны и вместе с рабоче-крестьянской властью беспощадно боритесь с волками и хищниками народного достояния.

ПРЕДВЧК и НАРКОМПУТЬ Ф. Дзержинский»

Вот с этой листовки, которую осторожно, чтобы не разорвать, отклеил со стены Серпуховского вокзала и спрятал в карман бывший боевой эскадронец Иван Шарапов, и началась у него новая жизнь.

Стал Иван Шарапов рядовым чоновцем. В него стреляли, и он стрелял.

А вот уж чего он никогда до самой смерти не забудет, так это ночевки в Кирсановском уезде на Тамбовщине. Название той захудалой деревушки, где их отряд остановился на ночлег, совсем стерлось из памяти, а та ночь и теперь напоминает о себе. Среди ночи изба, где спали чоновцы, вспыхнула со всех сторон сразу, и тут же по окнам хлестнули выстрелы. Иван помнит, как товарищи сообща выставили узкую раму и, отвлекая огонь бандитов на себя, помогли ему бежать за подмогой. Он невесть каким чудом нашел коня и умчался в ночь, зажимая пятерней простреленное плечо. Только под утро он встретил мужиков из соседней коммуны и, еле держась в седле, привел их к сгоревшей дотла избе.

Потом, говорили, были похороны. Оркестр играл «Интернационал», но Иван в ту пору метался на больничной койке, снова, полураздетый, мчался сквозь пургу на коне, и кричал страшным матом, и срывал бинты...

Сколько ран было на его теле – все зажили, одни рубцы остались. А эта вот – в плече – никогда, видно, не заживет.

Из госпиталя он вышел, как после тифа, – ветром качало. Вот тогда, помнится, и приехал в родное село, да уж нечего там было делать – подался обратно в город. Работал в охране на транспорте, в милиции. Новые товарищи встретили хорошо, помогли на первых порах, посоветовали учиться. А каково это было ему? За спиной – война, госпитали и столько смертей, что целому эскадрону хватило бы. Однако все та же крестьянская хватка помогла. Усидчив был. Крепок в своем желании. Шел на грамоту, как на Деникина. И победил. Перебрался поближе к Москве, в Загорск, тут и женился. Только не вышло у Ивана порядочной семейной жизни в тещином доме.

Поначалу он решил было: богомольная тихая старушка, греха за душой не держит. И дом такой же тихий и скромный. Сад, огородишко. Поселился Иван у молодой жены, думал жизнь свою бурную поправить, в порядок привести и, кто знает, возможно, дальше учиться. А вышло все наоборот.

Теща тихая-тихая, а оказалось – дальше его смотрела. Иван по-прежнему был постовым милиционером. Должность, как говорится, невелика, а по мнению некоторых – все же начальство, власть, иными словами. Вот эта самая власть и нужна была тещеньке для своих темных дел. Жена – что... Марья, конечно, во всех материнских делах участия не принимала, да и не знала о них наверняка. Красивая была девушка, смирная. А теща, выходит, сразу поняла свою выгоду от такого брака: власть в доме, кто сунется? Да только не на того напала.

Стал он со временем замечать, что похаживают к старушке разные люди. Ну, дело божеское, богомольное, лавра под боком. Теща говорила, дальние родственники к Богу приходят.

И вот однажды...

Иван закурил новую папиросу и выглянул за дверь, как будто его мысли могли потревожить сон Марьи. Нет, спит – не шелохнется.

Да, припозднился он однажды на службе, – считай, под утро домой явился, уже светать начало. Глядит, на тещиной половине свет горит. «Молится, что ли?» – подумал. Вроде рано. Никогда так рано не вставала. Они тогда в своем доме глухую перегородку поставили, чтобы тещиным гостям не мешать, да она и сама была не против. «Дело ваше молодое, – говорила, – вам самим по новым порядкам жить требуется...» Подошел он к тещиной-то половине, а из

ее двери как раз на крыльцо мужик выходит, прощается со старушкой и довольно резво идет прямо на Ивана. И ряса на нем черная до пят. Увидел Ивана, не растерялся, подошел поближе, поздоровался смиренно, сказал, что о делах божеских со старушкой праведницей беседовал, да вот и время не уследил. Слушал его Иван, и что-то давно забытое копошилось в его памяти, но что – никак не мог понять. Вроде бы знал он этого человека. Только не такого, как сейчас, с аккуратной темной бородкой, а другого, молодого и без бороды. Но где он его встречал? Нет, что встречал – это точно, память у Ивана и сейчас на лица отменная. Раз увидел – как впечатал.

Так и расстались они у тещино порога. Позже, отгоняя назойливую мысль, спросил тещу, кого это она посреди ночи-то принимала. Мелко смеясь, старушка вроде бы даже сконфузилась, сказала, что это дальний ее родственник, перевели его в лавру, теперь тут служит. Давно не виделись, вот он и наведался. Хороший, божеский человек. Может быть, все бы так и кончилось, кабы не острая память Ивана.

Однажды ночью его так и подбросило на кровати – даже Марья испугалась. Но ничего не сказал жене, а утром отправился в лавру и весь день присматривался к проходящим. И на другой день тоже. Того ночного незнакомца не было. Не было видно его и среди служителей, хоть службы шли богатые – Сергия Радонежского праздновали, основоположника Троице-Сергиевой лавры. Провалился незнакомец. Приступил с расспросами к теще. Что-то, мол, нашего родственника не встречаю, вы же говорили, что сюда переведен. Теща отделялась общими словами или попросту отмахивалась.

Увидеть этого человека стало для Ивана необходимостью. Увидеть, чтобы утвердиться в своих подозрениях или рассеять их. Наконец не выдержал, пошел и все рассказал своему начальнику. Хороший был человек, только женитьбы Ивана не одобрил, ну так ведь не ему жить. А тут, как рассказал Иван о своих подозрениях, даже со стула привстал. «Ну ты, – сказал, – даешь! А ежели тебя память после всех ранений подводит?» Однако согласился с Ивановым планом. Стали ждать. И дождались. Явился родственничек, тут его с золотишком и взяли. А когда потянули ниточку, так и весь клубок покотился.

Не подвела Ивана память: еще за день до пожара он видел этого человека – сына кулака Леденева. Видел, когда у его папаши хлеб из ям выгребали. Взгляд его запомнился. А после, как стало известно, сынок и порешил чоновцев, банду организовал из дружков своих. Погуляли они на Тамбовщине. Долго будут помнить люди их кровавые загулы.

Вот как все обернулось. А начальник действительно хорошим мужиком оказался. Когда Ивана потянули в особую инспекцию, пошел сам, партийным билетом поручился. О чем они там долго говорили, Иван так и не узнал, но только вкатили ему строгача да еще сказали: легко, мол, отделался. Ну а с тещей по закону поступили. Начальник и позже помог, когда Иван, забрав жену, уехал в Москву. На курсы устроил, рекомендацию хорошую дал, а как стал Иван работать в МУРе, едва ли не первый поздравил с повышением.

Вот через сколько лет протянулась леденевская ниточка... До сих пор плечо по ночам ноет. Главное, чтобы врачи не догадались. Да, время сейчас такое, что не до личных ран. Потом подлечимся...

Иван сложил бумаги в чемодан, запихнул его поглубже под койку и стал одеваться. Решил пораньше уйти, не будить жену. Ей не впервой, привыкла к беспокойной мужниной службе.

Солнце уже давно встало, но утренняя свежесть лежала на траве и листьях. Дышалось легко. Воздух припахивал паровозным дымом, щекотал ноздри. Возле станции на длинном дощатом заборе висел свежий плакат. Иван остановился. Женщина подняла руку, а сзади штыки, штыки... И присяга военная: «Родина-мать зовет!»

Иван посмотрел и, ссутулившись, пошел на станцию. Скоро должен был пройти поезд на Москву.

Полесов

Просыпался он всегда в шесть. Что бы ни случилось, когда бы спать ни лег – в шесть открывал глаза. Потом он мог поспать еще, но в шесть должен был проснуться обязательно.

Когда жена Соня еще жила с ним, из-за этого по выходным скандалы бывали. Мол, покою от тебя нет, даже в день отдыха. Но Соня ушла от него. Ушла, оставив записку: « Степа, полюбила другого». Кто был тот другой, Полесов знал точно. В первую минуту чуть было не собрался пойти по адресу: Грузинский Вал, дом 26, но передумал. Насильно мил не будешь. Это уж точно.

Но даже после ее ухода в доме все шло по старому заведенному порядку. В шесть утра Степан вставал. Сорок минут занимался гимнастикой, поднимал пудовые гири, потом мылся холодной водой по пояс, докрасна растирался жестким полотенцем. Завтракал он в буфете на углу Первой Брестской и Грузинского Вала, приходил первым, к открытию. Потом покупал газету и шел на работу, в депо. День был загружен полностью. А вечера?.. После работы приходил он домой в чистую комнату, садился у окна и часами смотрел на улицу. Звенели трамваи, кричали паровозы на Белорусской дороге, шуршали по тротуару подошвы прохожих, и Степан сидел, глядя на зажигающиеся огни Ленинградского шоссе.

Иногда во дворе он встречал Соню. Двор был общий, так как его дом, 43-й, являлся как бы началом дома 26.

Она проходила веселая, в ярком летнем платье, а рядом с ней Борька Константинов, симпатяга, лихой парень, лучший гитарист, пьяница и бабник. Жил он в одной квартире со старшим братом Анатолием, военным инженером. Вот тогда совсем плохо становилось Степану. Тогда и просиживал он целыми вечерами у окна: бездумно и одиноко. Правда, такие вечера стали нечастыми: Степан записался в деповском клубе в секцию гиревиков.

Он решил твердо: вырву память из сердца. Упорным был мужиком Степан. А был бы другим, неизвестно, что и получилось бы...

Вьюжной ночью сурового двадцатого года подобрал машинист Андрей Полесов на перроне станции Чита-товарная мальчишку лет семи. Тот лежал возле угольного пакгауза совсем замерзший. Принес его Андрей в дежурку, отогрел, чаем отпоил. Парень был черный от угольной пыли, худой, в рваном колушке. Забился в угол и всю ночь дрожал там, как побитая собака.

Утром отвел его Андрей в привокзальный санпропускник, вымыл, сам постриг ножницами. Парнишка оказался белоголовым, большеглазым. Он рассказал Андрею, что отец его погиб на войне, а мать зарубили какие-то бандиты месяц назад.

Жаль стало Полесову сироту, посадил он его к себе на паровоз и увез. Сначала в детский дом определить хотел, а потом оставил у себя. Так появился в Москве Степан Андреевич Полесов.

Дальше жизнь пошла как надо. Степан окончил семилетку, пошел в техникум. Конечно, в железнодорожный. Получил диплом с отличием и ушел на военную службу.

Попал Степан в пограничные войска на Карельский перешеек. Служил хорошо, стал старшиной заставы. Правда, особых происшествий у него не было, но все-таки увез домой именные часы от наркома. Повезло за два дня до окончания срока службы: задержал опасного нарушителя.

Вернулся Степан домой – пошел в депо мастером паровозоремонтной бригады, стал стахановцем, вступил в кандидаты ВКП(б). В тридцать девятом, как раз перед самой женитьбой, наградили его медалью «За трудовую доблесть». За несколько дней до финской войны умер отец. Только похоронил его Степан – война.

Он сразу же написал заявление в военкомат. Но через несколько дней его вызвали в партячейку.

За столом секретаря сидел мужчина в гимнастерке без петлиц, но с медалью «За отвагу».
– Давайте знакомиться, товарищ Полесов, – сказал он, – я из милиции. Данилов моя фамилия. Садитесь, пожалуйста.

Степан присел у стола, недоумевая, зачем он вдруг милиции понадобился.

– А дело у меня вот какое, – продолжал Данилов. – Сейчас лучших коммунистов партия направляет для работы в органы НКВД. От депо рекомендовали вас.

Степан согласился сразу. Он не кокетничал, не говорил о том, что работа незнакомая. Нет. Партия рекомендует – значит, так нужно.

Взяли Степана Полесова на работу в угрозыск. Учил его сам Данилов. Наука была непростая. Но там, где не хватало специальных знаний, Степан поступал так, как ему подсказывала совесть большевика.

В отделе у Данилова работа была трудная. Занимались они налетчиками, бандитами. «Клиентура», как говорил начальник отдела, серьезная. Народ в основном отпетый. Почти каждому при задержании грозила высшая мера наказания – расстрел, поэтому они сами стреляли не стесняясь.

Новая служба пришлась Степану по душе. Товарищи ему тоже нравились. Веселые, смелые, отзывчивые ребята.

Они тоже вскоре полюбили Степана. Ценили его за хладнокровие и огромную физическую силу. Так же как в армии и в депо, Степан работал обстоятельно, на первый взгляд, неторопливо. Брался он за дела незаметные. Но обязательно находил в них важные и интересные моменты. Так, однажды он получил, казалось, совсем пустяковое дело о взломе голубятни во Втором Кондратьевском переулке. Но Степан был твердо убежден, что пустяковых дел не бывает. Постепенно разматывая почти совсем незаметный клубок, Степан вышел на группу подростков, а через них на знаменитого Вальку Китайца – крупного грабителя и домушника. Оказывается, Валька сколотил группу мальчишек, которых пока заставлял воровать по мелочам: белье на чердаках, голубей, папиросы в киосках.

«Кадры готовил» – так доложил Степан Данилову.

Это дело было переломным для Полесова. Ему стали все чаще и чаще поручать работу с подростками.

«Директор детского сада», – смеялись отчаянные ребята из даниловской бригады. Но они были рады, что передали Полесову свои «скучные» дела.

Степан ездил в школы, в райком комсомола, на заводы и фабрики. Беседовал с родителями и воспитателями детских колоний, организовывал юношеские клубы при домоуправлениях, доставал футбольные мячи и сетки для волейбола.

Дни укладывались плотно, как патроны в обойму. Он и не заметил, как пролетел год.

И этим утром Степан встал, как всегда, в шесть, едва только прозвучали в репродукторе первые позывные станции имени Коминтерна. Он несколько раз присел, потом взял гири. Привычно, легко, даже с некоторым изяществом бросил их вверх, вниз, вдох, выдох...

«Передаем утреннюю сводку Совинформбюро», – прозвучал в комнате металлический голос репродуктора. Степан поставил гири и внимательно выслушал сводку до конца. Не окончив гимнастики, пошел в ванную. Долго, зло полоскался под краном. Вернувшись в комнату, открыл платяной шкаф.

Что же надеть? Костюм? Сегодня он пойдет в военкомат (в том, что его рапорт удовлетворили, он не сомневался, все-таки не какой-нибудь новобранец, а кадровый старшина). Естественно, что сразу же отправят на сборный пункт, там ему дадут форму. Значит, пригодятся и хромовые сапоги, и широкий командирский ремень.

Степан достал новую коверкотовую гимнастерку. Через десять минут он вышел из подъезда на залитый солнцем двор. Эх, лучше бы он подождал еще минут десять, лучше бы и не выходил!

Навстречу ему шел Борька Константинов, в новом солдатском обмундировании, в левой руке он держал вещмешок, а на правой повисла заплаканная Сонька.

Борька молча критически оглядел Степана. Всего, начиная с новой гимнастерки, кончая хромовыми, сияющими на солнце сапогами. Оглядел, ухмыльнулся и скрылся под аркой ворот.

Степан постоял, потом зачем-то поправил медаль на гимнастерке, помедлил еще немного и пошел следом за ними.

Он без всякого аппетита выпил стакан кофе и съел пирожок, даже не обратив внимания, с чем он. Расплатился и вышел из буфета. До управления ходьбы было минут тридцать. Взглянул на часы. Семь десять. Времени больше чем достаточно.

Степан не торопясь пошел к улице Горького. На углу у аптеки остановился возле «Окон ТАСС». Внимательно прочитал стихи под карикатурами Кукрыниксов. На картинках наши бойцы насаживали на штык сразу по пять бегущих немцев. Степан вспомнил сводку и вздохнул. Рядом на стенде был вывешен свежий номер «Красной звезды». Полесов прочитал вечернюю сводку Совинформбюро, потом несколько заметок о подвигах никому не известных бойцов и командиров... Странно как-то получается. Вроде бы, если судить по заметкам, бьют немцев в хвост и в гриву. А опять оставляют город за городом. Действительно, странно. Настроение испортилось окончательно. На улицу Горького Степан вышел мрачнее тучи.

Вот уже год, как ходит он этой дорогой на работу. Вроде бы ничего не изменилось. Та же улица, те же вывески и витрины... А все-таки не то. На окнах крест-накрест белые бумажные полоски, исчезли продукты с витрин. Закрыт кафетерий «Форель». В трамваях и троллейбусах окна плотно закрыты синей бумагой, на перекрестках стоят милиционеры с винтовками. Даже дворники и те метут улицу с противогАЗами через плечо.

Наверное, таким и должен быть фронтовой город. А Москва, хоть немцы еще и далеко, город именно такой. Ведь здесь – главное, отсюда партия руководит обороной.

И все-таки Москва остается Москвой. Несмотря ни на что. Вот газировщицы открывают свои палатки. В кинотеатре «Москва» идет фильм «Антон Иванович сердится» и «Боевой киносборник» номер три. Хорошая там песня. Степан пошел дальше, напевая про себя: «До свиданья, города и хаты...»

Постепенно настроение улучшилось. Он шел по своему городу, в котором вырос и который ему доверили охранять. Для него Москва осталась такой же красивой, только она надела военную форму и возмужала.

Грасс

Первым в коридоре Данилов встретил Шарапова. Как всегда, Иван пришел на работу за четыре минуты до девяти. Данилов еще раз подивился точности этого человека. Ведь живет же дальше всех, у черта на куличках.

– Желая здравствовать, Иван Александрович.

– Здравствуй, Иван Сергеевич.

Шарапов глядел на начальника спокойно и выжидающе. Нет, он не раскаивался ни в чем и ни в чем не чувствовал своей вины. Он был прав. Как всегда, прав. И правду свою понимал сердцем.

Данилов знал это и не осуждал его. Он знал: уж Шарапов если что решил, то, значит, обдумал основательно.

– Ты на меня не смотри так, Иван, не смотри. Я ведь тоже просился неделю назад. И сам видишь...

– Значит, нет?

– Значит, нет.

– Что ж, я понимаю, дисциплина и все такое...

– Нет, ты еще ничего не понимаешь. Нельзя же нам город-то оголять. Город-то наш? Мы за него в ответе? Иди. Попроси, чтобы из дежурки задержанного привели ко мне в кабинет, вдвоем допросим. А я пока к Смирнову зайду.

Придя к себе, Шарапов дернул тугой шпингалет, распахнул створки окна. За всю долгую службу в милиции Иван так и не привык к запаху присутственных мест, этой удивительной комбинации табачного перегара, гуталина, карболки и тлена. Шарапов пытался бороться с ним, даже цветы из дому в горшках принес. Но цветы погибли на третий день, а молодая травка сразу же стала желтой.

– Иван Сергеевич, здорово! – крикнул с порога Муравьев. – Ты прямо здесь спишь, что ли?

– В такой духоте поспишь – мышцы сдохнут.

– А ты, Иван Сергеевич, в противогазе попробуй.

Игорь дернул ящик стола и начал выгребать из него бумаги.

– Так-так... – Он быстро пробежал их глазами, рвал и бросал в корзину. – «В аллеях столбов, по дорогам перронов... – лягушечья прозелень дачных вагонов...» Так... не нужно... И это тоже. Иван Сергеевич, хочешь, я тебе стихи подарю?

– Стихи? Да я их не очень уважаю, Игорь. А ты что, порядок наводишь – дела, что ли, сдаешь?

– «Уже, окунувшись в масло по локоть, рычаг...» Ага... «...начинает акать и окать...» Сдаю... Это нужно... На фронт иду...

– На фронт?

– Именно. «И дым оседает...» Вот как с этим быть?

– Игорь! К Данилову, – приоткрыл дверь Полесов.

– Иду. О... Степа, товарищ старший опер! Ты прямо на парад собрался. – Игорь завистливо оглядел Полесова. – Слушай, давай меняться, ты мне ремень, а я тебе австрийскую кобуру.

– Разбежался! Ну что стоишь, пошли.

– Садитесь. – Голос начальника был сухим и будничным. – Прежде всего я вам один вопрос задам. Вы оба такой документ, как присяга сотрудников рабоче-крестьянской милиции, подписывали? Ну, я вас спрашиваю?

– Подписывали.

– Значит, разговор у нас будет простым. Рапорты ваши у меня в столе. Там они и останутся. Здесь воевать будем...

На столе длинно и резко зазвонил телефон.

– Данилов слушает! Так, пишу. Армянский переулок, дом три, квартира десять. Со двора? Понял. Полесов, – Иван Александрович положил трубку, – эксперта, проводника с собакой! Срочно на выезд. Муравьев, поедешь со мной. Шарапову скажи, чтоб допрашивал один.

На лестничной площадке третьего этажа толпились жильцы: мужчина лет пятидесяти, в грязной нижней рубашке, с очками в металлической оправе на птичьем носу, три женщины в засаленных халатах, с пронзительно-любопытными глазами. У дверей квартиры стоял дворник в белом фартуке.

На ступеньках, прислонясь головой к переплету перил, сидела девушка в милицейской форме. В лице ни кровинки. Рядом старушка с жиденьким пучком волос на затылке держала пузырек с нашатырем.

– Товарищ начальник! – Навстречу Данилову шагнул дворник. Он каким-то шестым чувством определил, что старше всех здесь именно этот человек в полувоенном костюме. – Дворник Спасов. В квартиру никого не пускаю.

– Спасибо, товарищ Спасов. Народу вот многовато...

– Женщины ить, любопытные больно, – виновато улыбнулся дворник.

– Любопытным придется разойтись по квартирам. Что с милиционером? – Данилов кивнул в сторону лестницы.

– Да, товарищ начальник, страсти-то какие. – Одна из женщин вонзила любопытные глаза в Ивана Александровича. – Мы в квартиру зашли...

– А, собственно, зачем вы туда заходили? Забыли чего?

– Как же зачем? – вмешался в разговор мужчина в очках.

«Гриб-мухомор», – подумал Данилов.

– Мы общественность...

– Вы лучше бы за порядком в подъезде следили, а то у вас на лестнице помойка. А это, – Данилов кивнул на дверь, – дело милиции. Разойдитесь по квартирам.

– То есть как? Я, как общественник, обязан информировать...

Данилов обратил внимание на глаза этих людей, полные назойливого любопытства глаза: «Сволочи, сплетники, это из тех, что крупу и соль скупают пудами...»

– Все, – твердо сказал он, – по квартирам. Доктор, займитесь милиционером. Орлов, пускай.

Проводник, стоявший на площадке ниже, отстегнул поводок. Огромная овчарка Найда, черная как ночь, без единой подпалины, деловито, в два прыжка оказалась у дверей.

Прием был старый. Эта категория людей больше всего на свете боялась собак. Площадка миг опустела, только старушка осталась рядом с врачом да дворник стоял рядом с Даниловым.

– Что с милиционером?

– Обморок, Иван Александрович, ничего страшного, – судебно-медицинский эксперт Лев Борисович подошел к Данилову, – девчонка...

– Кончили? – спросил Иван Александрович эксперта, осматривавшего дверь.

– Можно.

Они вошли в квартиру. В прихожей резко пахло чем-то горелым. Коридор был темен и казался бесконечным. Данилов пошарил по стене, щелкнул выключателем. Под потолком вспыхнул матовый фонарь, отделанный бронзой. Две двери вели в комнаты.

Эксперт, посвистывая, возился с дверными ручками.

Данилов слышал, как за спиной порывисто дышал Игорь.

– Муравьев, спокойнее, ты же не девушка. Все?

– Да. – Эксперт отошел к стене.

В комнате, тесно заставленной громоздкой мебелью, на ковре, сшитом из нескольких узких крученых дорожек, лежал человек. Левая рука была неестественно выгнута и подмята телом, рядом с правой, откинутой в сторону, лежал пистолет.

Данилов внимательно оглядел комнату: тяжелые бархатные шторы на окнах; буфет, похожий на замок; черное бюро; инкрустированный перламутром письменный стол, громоздкий, как саркофаг; покрытый пылью чертежный комбайн; шкаф с выбитым зеркалом; еще одно зеркало, наклонно висящее на стене, на полу под ним несколько маленьких блестящих осколков; полуоткрытая дверь в другую комнату...

Иван Александрович шагнул к настенному зеркалу. Несколько минут рассматривал его раму, отделанную стеклянными цветами. Они были необычайно тонки и изящны. Один цветок был отбит начисто. Данилов нагнулся, поднял осколки с пола. Потом снял зеркало со стены, внимательно рассмотрел дырку в обоях и вышел в другую комнату.

Он не хотел смотреть на убитого. Да и ни к чему это было. Он знал убитого. Еще там, в управлении, услышав адрес, он знал, что это Зяма-художник – Зиновий Аркадьевич Грасс – художник-график. В тридцать втором он попался на изготовлении фальшивых документов, брал его тогда Данилов, брал здесь. На суде Грассу дали пять лет. Но ударным трудом на Беломорканале он сократил срок, вернулся, и Иван Александрович все чаще и чаще встречал его рисунки в газетах и журналах.

Вторая комната в квартире, видимо спальня. Почти всю ее занимала огромная кровать с рваным выцветшим балдахинном. Кровать, кресло, столик на паучьих ножках и банкетка. Грасс жил холостяком, это было видно сразу.

«Почему-то в холостых квартирах даже пахнет особо», – подумал Данилов.

Он сел в кресло и только теперь увидел тяжелые яловые сапоги у кровати, брезентовый ремень с кобурой на полу, хлопчатобумажную гимнастерку с зелеными петлицами.

Данилов подошел к кровати, поднял гимнастерку. В петлицах старшинские треугольнички, в кармане удостоверение:

«Настоящим удостоверяется, что тов. Грасс З. А. является художником-ретушером газеты «Тревога».

Так, теперь ясно, откуда у него пистолет. Значит, он вошел в эту комнату, взял его, пошел обратно, выстрелил в кого-то, кто стоял рядом с зеркалом... А потом?

Данилов достал папиросу.

А потом? Второй раз ему не дали стрелять. Почему?

Человек не мог прыгнуть на него. Не успел бы просто. Грасс бы попал. Наверняка попал бы. Значит, стреляли дважды. Значит, пуля, убившая его, выпущена из другого пистолета.

– Муравьев! Если можно, принеси мне его «Коровина».

Игорь вошел и положил на стол пистолет. Данилов вынул обойму. Пять патронов. Выходит, убитый стрелял дважды.

– Пулю из стенки вынули, Иван Александрович, из «коровинского» пуля.

– А вот ты, если бы жизнь решил кончать, сначала бы в зеркало палил, а потом в себя?

– Может, он с оружием обращаться не умел?

– Не думаю.

– А может быть, еще у кого-то «коровинский» был?

– Вряд ли. Сюда приходил, видимо, опытный человек. Он и постарался инсценировать самоубийство. Если бы это была случайная ссора, то гость убитого просто ушел бы, вернее, убежал в страхе. Человека убить – дело нешуточное. Значит, второй был опытным в этих делах. А раз так, то подобные люди пистолет Коровина в руки не возьмут. Им эта пукалка не нужна. Ты вот от него, я помню, отказался. То-то...

– Любопытное дело, милый Иван Александрович. – В комнату вошел доктор. – У нашего подопечного на затылке гематома.

– На затылке? Ваш вывод?

– Пока преждевременно, но я думаю, не ошибаюсь, вскрытие подтвердит. Убитого сначала оглушили, а потом выстрелили ему в висок.

– А потом кто-то зеркало передвинул, – добавил Игорь. – Оно за два конца веревкой схвачено было. Чуть подвинул – и закрыта дырка...

– Собаку пустили?

– Только что.

– Протокол?

– Полесов пишет.

– Игорь, милиционера и свидетелей сюда пригласи.

В дверь неуверенно постучали, словно поскребли.

– Да. – Данилов наконец вспомнил, что держит во рту незажженную папиросу.

– Товарищ начальник, – на пороге, неуклюже приложив руку к берету, стояла девушка в милицейской форме, – старший милиционер Редечкина...

– Садись, товарищ Редечкина, – Иван Александрович чиркнул спичкой, – садись. Как же ты так?

Девушка покраснела, казалось, кровь вот-вот закапает сквозь щеки.

– По комсомольскому набору?

– Да, пятый день в милиции.

– Раньше где работала?

– В метро, контролером.

– Что ж так? Постовой, а без оружия...

– А я не постовой, товарищ начальник, у меня здесь сестра живет во дворе. Я от нее шла. Вдруг женщина бежит: «Помогите, помогите!» Я за ней.

– Ты соберись и расскажи все по порядку. Только вспомни как следует. Все вспомни, важно это очень.

Девушка опасливо покосилась на открытую дверь в соседнюю комнату:

– Я сейчас. Погодите...

К сестре Алла Редечкина забежала на минутку. Занесла ребятам сахар из своего милицейского пайка. Никого дома не было. Алла достала из-за половицы ключ, открыла дверь и оставила сахар на столе. Она еще немного постояла в комнате. Потом взглянула на часы. Было четверть девятого утра. У нее оставалось целых три часа, и Алла решила подъехать в общежитие к девочкам.

Она вышла во двор, порадовалась, что ей дали отпуск именно в такой солнечный день.

«Помогите... А-а-а! Помогите! Милиция!»

Из соседнего подъезда выбежала женщина. Алла только увидела ее лицо и остановившись, полные страха глаза. Она еще не успела опомниться, как женщина, схватив ее за рукав, потащила к дверям:

«Скорее, скорее, товарищ милицейская девушка! Там... там...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.